

Голод 1946–1947 гг. в курской деревне: причины, события, последствия

Аргунов Олег Николаевич

Студент

Курский государственный университет, Исторический факультет, Курск, Россия

E-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

Для современной России проблема голода кажется сейчас далекой и практически забытой, в то время как еще 60 лет назад эта угроза была объективной реальностью для широких масс сельского и городского населения. Это можно объяснить несовершенством методов и приемов ведения как полеводства и животноводства, так и зачастую неумелой, а иногда и вовсе вредной, аграрной политикой руководства страны.

Стоит отметить тот факт, что в угоду политическому режиму, проблема голода, который обрушился на регионы Украинской ССР, Молдавской ССР, а также Центрально-черноземные и Поволжские области СССР, не находила отражения в отечественной историографии на протяжении практически сорока лет. Лишь в годы перестройки появились первые упоминания проблемы в официальной литературе [24], а к середине 1990-х гг. закрепились две основные точки зрения на данные события: взгляд И.М. Волкова, который считал, что голод был следствием объективных причин (засуха, разрушенное войной хозяйство, острый недостаток рабочей силы [21]); и взгляд исследователя В.Ф. Зимы [23], который рассматривал «голод 1946–1947 гг. как преднамеренный, рукотворный, сознательно организованный правительством для осуществления своих политических целей и усмирения народа» [22]. По нашему мнению, позиция И.М. Волкова является более обоснованной и взвешенной, поэтому в данной работе мы будем придерживаться её, уделяя внимание при этом местным особенностям.

Уже к концу 1945 г. крестьянам Курской области удалось довести посевные площади до 1786,1 тыс. га, что составляло 66,2 % от площадей 1940 г. [2], однако большинство работ продолжали выполняться вручную, наблюдался острый недостаток техники, мужских рабочих рук; так же было слабое введение индивидуальной сдельщины в трудовых звеньях. Ситуацию усугубили погодные условия: из-за малого снежного покрова и несоблюдения агротехнических приемов в декабре 1945 – январе 1946 гг. произошло масштабное вымерзание всходов озимых культур [1], а весной и летом обстановка только обострилась: в апреле выпало крайне мало осадков, погода была неустойчивой с заморозками до –60С, май был очень тёплым и засушливым, а в июне первый дождь выпал только 20 июня [3]. Во время уборки начались затяжные дожди. В итоге, из имевшихся 1177,2 тыс. га зерновых [4], 123,7 тыс. га погибли, а средняя урожайность с уцелевших площадей составила лишь 2,7 ц. с га [16], обеспеченность семенами под урожай 1947 г. составила менее 25 % [7], что могло привести к продовольственной катастрофе, у колхозников стали «опускаться руки». Сравнительно хорошее положение было лишь в Глушковском, Хомутовском и Рыльском районах [17]. Надежда была только на озимые зерновые, которых под урожай 1947 г. посеяли 728 тыс. га – на 160 тыс. га больше, чем в 1945 г. [8].

Но, в связи с нарастающей угрозой голода – на трудодни в 1946 г. зерно выдали только в 967 колхозах (19 % от общего числа) [15] – советским правительством было

принято решение о выделении помощи в размере 4,04 млн. пудов зерна [5]; в зависимости от нуждаемости предполагалось выделять от 5 до 15 пудов на хозяйство [6]. Это позволило отодвинуть голод на несколько месяцев.

Но во время распределения хлебной ссуды не обошлось и без казусов. Председатель колхоза «Вторая пятилетка» Христинин отмечал, что его колхоз с основным плановым заданием, но «когда была Сталинская помощь, ряд живущих рядом колхозов Ленинского района даже смеялись над нашими колхозниками, “вот, говорят, мы не платим хлеба, не имеем семян, нам дают и помощь, и семенную ссуду, вы получили по 5–7 пудов на двор, а мы от 10 до 15 пудов получили”. Отсюда руки колхозников от работы отпадают. Лодырям в тех колхозах действительно давали по 10–15 пудов, а к моему колхозу “Вторая пятилетка” было плохое отношение в период распределения Сталинской помощи» [10].

Пик голода пришелся на январь, февраль и март 1947 г., что видно из динамики смертности (в январе умерло 2314 человек, в феврале – 2990, в марте – 4376 [9]), когда у большинства колхозников закончились основные продукты питания. Многие начали резать скотину, в особенности коров, что еще сильнее усугубило положение. В архиве сохранилось несколько десятков описаний страшного положения населения: к примеру, в семье матери-героини Свищевой из с. Кусты Томаровского района «имеется живущих с нею 9 человек детей. Семья выработала более 1000 трудодней. Ссуды ими получено 3 центнера, со своего огорода собрали 10 мешков картофеля, хлеба не имеют около месяца. Основное питание – столовая свекла. Дети истощены, кожный покров бледный, значительное понижение подкожной жировой клетчатки, пастозность» [10]. Резко снизилась трудовая дисциплина в колхозах, многие не могли выйти на работы по состоянию здоровья. Значительно усилилось воровство, в особенности продуктов питания [11].

К весне положение настолько ухудшилось, что были зарегистрированы случаи каннибализма: «22 марта 1947 года в 23 часа в РО МВД г. Белгорода от гражданина Кривцова В.С. поступило сообщение о исчезновении полуторамесячного ребенка у гражданки Павловой Клавдии Александровны [. . .].

Павлова К.А. была задержана и доставлена в РО МВД, где она показала, что ее полуторамесячный ребенок был истощен и 22 марта в 15 ч. умер, а в 18 ч. она его сварила и съела» [12].

Были случаи, когда колхозники уезжали, оставляя своих детей: «Гр-н Кулешов Михаил Михайлович вместе со своей женой выехали в другую область, а своего ребенка 11-и месяцев оставили в доме, где он погиб» [14].

На 30 апреля 1947 г. по области было 558 699 нуждающихся и 809 брошенных детей [13].

Но с наступлением тепла обстановка стала улучшаться. С большим трудом колхозники приступили к весеннему севу, показывая примеры беспрецедентного героизма: «Настроение и желание у колхозников как можно лучше и скорей провести сев. Вместе с тем, такое настроение, что обгоняют тракторные сеялки, они еще где-то идут в колхоз, их можно было подождать день–два, но колхозники стремятся скорей посеять и сеют без них» [18]. Для поддержания работающих, было организовано дополнительное питание в полях [19].

Таким образом, в Курской области голод 1946–1947 гг., в первую очередь, являлся

следствием объективных причин: послевоенная разруха, недостаток рабочих рук и тягловой силы, плохие погодные условия. Человеческий же фактор был второстепенной причиной и заключался, на взгляд автора, в несовершенстве агротехники, недостаточной материальной заинтересованности колхозников в результатах своего труда и «перегибах» во время заготовительной кампании 1945 г. Именно последствия голода стали одной из основных причин долгого восстановления сельского хозяйства региона вплоть до середины 1950-х гг.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. Р – 3272. Оп. 2. Д. 50. Л. 123.
2. ГАКО. Ф. Р – 3272. Оп. 2. Д. 72. Л. 297.
3. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее: ГАОПИКО). Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 268. Л. 112–116.
4. Там же. Л. 81.
5. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 275. Л. 116.
6. Там же. Л. 125.
7. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 354. Л. 6.
8. Там же. Л. 4.
9. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 422. Л. 101, 106.
10. Там же. Л. 12.
11. Там же. Л. 14.
12. Там же. Л. 92.
13. Там же. Л. 106.
14. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 423. Л. 1.
15. Там же. Л. 28.
16. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 579. Л. 14.
17. Там же. Л. 16.
18. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 586. Л. 1.
19. Там же. Л. 8.
20. ГАОПИКО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 595. Л. 19.

21. Волков И.М. Засуха, голод 1946–1947 годов // История СССР. 1991. № 4. С. 3–19.
22. Волков И.М. Деревня СССР в 1945–1953 годах в новейших исследованиях историков (конец 1980-х – 1990-е годы) // Отечественная история. 2000. № 6. С. 115–124.
23. Зима В.Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 109–125.; Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 гг.: происхождение и последствия. М., 1996. 311 с.
24. Бомешко Б.Г. Засуха и голод в Молдавии в 1946-1947 гг. Кишинев, 1990. 52 с.